

УДК 314.151-051+27-523(571.1)"1907–1917"
DOI 10.17223/19988613/36/2

А.С. Ворошилова

ЦЕРКОВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ 1907–1917 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ ТАЕЖНОГО ПРИЧУЛЫМЬЯ)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматривается строительство храмов и часовен на переселенческих территориях таежного Причулымья как один из способов поддержания православной идентичности мигрантов-переселенцев. Особое внимание уделено причинам возведения часовен. Сопоставление с конкретными архивными материалами которых позволило выдвинуть предположения о возможной принадлежности приходского населения рассматриваемого региона не только к официальным церковным институтам, но и неформальным группам защитников старообрядческих скитов. На основании отчетных данных Томской духовной консистории и Святейшего Синода проводится анализ процесса церковного строительства в Томской епархии.

Ключевые слова: церковное строительство; переселение; часовня; храм; православное самосознание; староверие.

Проблемы адаптации населения Сибири в период столыпинских переселений изучаются современными исследователями в различных ракурсах: этнокультурном, экономическом, социально-психологическом и природно-географическом [1–4]. В то же время такой значимый аспект, как мировоззренческая основа православного самосознания переселенческого населения Сибири, остается малоизученным. В данном случае изучение церковного строительства представляется особо значимым для ее понимания. Многочисленные ходатайства о церковном строительстве из разных переселенческих районов позволяют рассмотреть это строительство как способ поддержания православной идентичности – важной составляющей социокультурной адаптации переселенческого населения. Мировосприятие православного сельского человека формировало понимание храма как основного источника православного самосознания, поэтому его наличие в приходе считалось обязательным условием благополучной жизни православного мигранта-переселенца на новом месте жительства.

Богослужение, по мнению клириков, должно было оказывать «всестороннее воздействие на людей, трогая, а возможно, даже и трансформируя их ум, душу и тело», а храм – развивать религиозную чувствительность личности и ее богосознания [5. С. 114]. С позиций официальной русской православной церкви можно говорить об особой духовной миссии храма: церковное здание строилось для того, чтобы верующие могли обрести «духовное зрение, знание и просвещение». Официально наличие храма в приходе означало проведение в нем регулярных богослужений для того, чтобы он воспринимался прихожанами как «живой», причем независимо от того, посещают их прихожане или нет. В переселенческих поселках Сибири возникновение храма не всегда было связано с обязательным открытием прихода и работой полноценного причта. Это ставило под вопрос проведение регулярных богослужений, для которых необходимым условием было наличие постоянного священника. Бывало так, что жители доволь-

ствовались нерегулярными богослужениями, совершаемыми батюшкой из соседнего прихода, что не могло не влиять на общий уровень приходской жизни в переселенческих поселках. Отсутствие постоянно действующего причта в приходах после строительства церкви в течение нескольких лет было делом обычным и объяснялось несколькими причинами.

Одна из них лежит на поверхности и связана с тяжелым бедственным положением переселенцев, которые зачастую приезжали без какого-либо движимого и недвижимого имущества и начинали строить свое хозяйство с нуля. Не налаженный должным образом механизм обустройства мигрантов на заселяемых территориях, неразвитая инфраструктура, злоупотребления местных властей и переселенческих чиновников, задержки ссуд, а иногда и вообще их отсутствие приводили к тому, что большая часть приезжающих долгое время находилась на уровне крайней бедности, а «правительство прилагало все усилия для того, чтобы скрыть правду об отчаянном, нищенском положении переселенцев, о голодовках и вымирании их» [6. С. 2]. Очевидно, что в подобном финансовом положении переселенец не мог содержать причт, хотя по закону это было его обязанностью, поскольку казенное жалование составляло лишь долю общего дохода священника.

Более скрытой и требующей тщательной проверки и подтверждения причиной, возможно, являлось наличие в регионе сети старообрядческих скитских общин, которые пополнялись в период переселенческих волн новыми членами [7]. Таким образом, у переселенцев появлялся альтернативный путь удовлетворения их духовных нужд, который был менее затратным финансово и освобождал от необходимости постоянного взаимодействия с духовными лицами.

Косвенным подтверждением этих предположений могут служить данные из клировых ведомостей за 1907 г. нескольких сел благочиния № 3 – одного из беднейших благочиний Томской епархии о лицах, не посещающих исповедь и причастие (табл. 1) [8].

Таблица 1

Количество лиц в приходе, не посещающих исповедь и причастие с указанием причин*

Населенный пункт	Всего человек в приходе	По малолетству	Наклонность в сектантстве	По отлучкам	По неизвестным причинам	По нерадению	Общий процент исповедывающихся
с. Ново-Рождественское	2035	427	0	9	49	0	96
с. Лебедянское	2023	495	0	6	0	182	88
с. Ишимское	2917	387	377	89	0	1562	35
с. Судженское	1911	400	0	48	0	70	92
с. Александровское	3115	468	97	55	0	1363	44
с. Сергиевское	1901	374	0	68	5	129	87
с. Ольгинское	2751	603	0	35	1	117	93
с. Данковское	1090	232	0	25	0	549	33
с. Вороно-Пашенское	3813	778	0	150	0	95	91
с. Пышкинское	4643	931	0	53	66	1320	63

*Таблица составлена по данным из нескольких клировых ведомостей за 1907 г. представленных населенных пунктов.

Как видно из табл. 1, 1/3 населенных пунктов имела достаточно низкий процент регулярно посещающих церковь и причащающихся, 2/3 – очень высокий, а в одном из сел – средний. Примечательно, что большая часть деревень с низким процентом имеет высокий показатель численности населения, значит, они были достаточно развиты и обжиты для того, чтобы задуматься об удовлетворении и духовных потребностей – создать формальные структуры, позволяющие им чувствовать себя включенными в православный социум через посещение храма, но, судя по всему, это происходило далеко не всегда.

Возвращаясь к вопросу о роли храма в жизни православных сельских приходов, необходимо отметить, что сделать однозначные выводы здесь проблематично. Это связано с многозначностью самого понятия «храм» в сельской культуре и функциями в жизни православных мирян. Во-первых, официальная структура храма с особым историческим контекстом, не привязанным к местоположению определенной церкви, формировала отдельный культурный мир через духовенство, храмовое пространство и обряды, в который оставалось только войти, а не создавать заново. Во-вторых, сочетая в себе две формы жизнедеятельности – приходскую и сельскую – и две разные культуры – священную и мирскую, храм становился средством связи мирян с внешним миром, местом обсуждения важных вопросов жизни села, что способствовало укреплению их общинного уклада, сплочению как единого православного коллектива и формированию групповой солидарности в принятии важных решений.

Возведение храма было не единственным способом выражения принадлежности переселенцев к церкви и православной вере. В отсутствие достаточных средств им приходилось обращаться к альтернативным формам христианской литургической культуры, одним из которых являлись часовни, занимавшим промежуточное положение между домом и церковью. Примечательно, что их наиболее активное строительство наблюдалось в

сельской местности, и с 1861 по 1917 г. их количество в России увеличилось почти вдвое [5. С. 169].

Этимология слова «часовня» восходит к христианскому понятию «час», и в православной традиции «часы» обозначали богослужения, которые миряне могли проводить без участия духовенства [9. С. 405]. Именно этот факт был основой непростой и противоречивой истории появления и распространения часовен в Российской империи. Несмотря на то что часовни были близки к храмам и должны были служить опорой официальной православной веры, в XVIII в. властями не поощрялось их строительство из-за опасений, что они станут местом сосредоточения старообрядцев. Высшие церковные иерархи опасались, что построенные мирянами и функционирующие без священника они выйдут из-под контроля духовных властей. Все это делало часовню точкой соприкосновения нескольких независимых сил: церковных иерархов, государственной бюрократии, приходского духовенства и мирян, взгляды которых на такие важнейшие церковные вопросы, как «духовный авторитет, роль мирян и духовенства, роль личности в отношениях с церковной общиной», разнились [5. С. 174].

В середине XIX в. ситуация меняется из-за масштабной колонизации, начавшейся в Российской империи. Осознав, что закрытие часовен привело к отрицательным последствиям для православных, живущих на окраинах, церковные власти разрешают их возведение, но оно перестает быть делом самостоятельным как раньше, а становится больше схожим со строительством новой церкви – таким же долгим, сложным и утомительным. Как правило, часовни строились в труднопроходимых местах, окруженных лесами или болотами, поскольку центральные приходские церкви располагались слишком далеко друг от друга. Незрелость путей сообщения и суровые климатические условия также влияли на удаленность. В совокупности все эти факторы мешали крестьянам регулярно посещать приходскую церковь, поэтому возникало желание иметь хотя бы часовню.

Рассматривая вопрос о том, кто был инициатором их строительства, стоит отметить, что не всегда прошения исходили от священников. Чаще всего миряне сами собирали сельские сходы, устраивали сборы и почти все строительные мероприятия брали на себя. В данном случае последующая деятельность новой часовни могла вызывать сомнение у представителей церковной власти из-за возможности распространения «раскольничьей заразы», и зачастую это служило поводом для её закрытия.

В этом отношении интересной представляется классификация причин возведения часовен сельскими прихожанами, предложенная В. Шевцовой. Она выделяет две основные группы, которые обозначает как «центростремительную» и «центробежную». В первом случае часовни являлись «форпостами церкви» и были связаны с идеей прихода, отражающей желание прихожан быть единым с христианским миром в целом. Вторая группа выражала интересы какой-либо локальной части верующих, стремящихся «сохранить часовню как свидетельство Божьего присутствия» вблизи своего места жительства [5. С. 179]. Если рассматривать строительство часовни как один из способов духовной адаптации переселенцев, то наличие подобной классификации позволяет проследить двойственную связь этого культового сооружения с официальной церковью или нелегальными общинами староверов-скитников.

Так, например, «центростремительная» группа причин характеризует часовню как некую замену приходской церкви, особенно в случаях обделенности материальными ресурсами, и сравнительно недорогой путь решения проблемы недоступности ближайших храмов из-за бездорожья или неблагоприятных природно-климатических условий. Следовательно, увеличение в той или иной местности числа часовен может свидетельствовать об исключительной важности приходской жизни для ее населения, естественном переходе к ее полноценным формам. Таким образом, жители села часто строили часовни для установления «связи с православной церковью в широком смысле этого слова» и демонстрации собственной причастности к ней через повышенную инициативу.

«Центробежная» группа причин характеризует часовню скорее как «священный исторический памятник», а не средство связи с «внешним православным миром», поскольку здесь на первое место выступало стремление сохранить память о каком-либо событии (преодолении последствий стихийного бедствия и пр.) или желание найти коллективный способ искупления грехов.

В классификации церковных сооружений существует еще один тип – «молитвенный дом», но поскольку по смыслу и содержанию он представлял собой модифицированную часовню, то разделение это условно. История показывает, что молитвенные дома не строились как самостоятельные церковные здания, а в основном возникали из часовен, которые в силу своих маленьких размеров не могли обслуживать приходы

при их количественном приросте. Подобная ситуация случилась с часовней в д. Сергеевской Пышкинского прихода Ново-Кусковской волости, которая к 1911 г. сильно обветшала и после водворения значительного числа переселенцев перестала вмещать всех желающих («при совершении службы большинство людей остается вне помещения» [10. Л. 2], – писали бывшие инородцы д. Сергеевой своему благочинному). В результате на общем сельском сходе жители деревни решили не просто отремонтировать здание, а построить новое, переименовав его в молитвенный дом. При этом все обязательства по строительству, как видно из ходатайства, они полностью брали на себя, требуя лишь разрешить бесплатно заготовить лес. В ходатайстве епархиальному начальству также значатся такие пункты, как: «...иметь при молитвенном доме свои приходо-расходные книги и независимыми быть от церкви в покупке и продаже свеч» и «разрешение обратиться к добровольным пожертвованиям вне нашего прихода (соседних), если своих средств окажется не достаточно» [Там же. Л. 2 об].

Это желание селян вполне обосновано, ведь деревня состояла всего из 75 дворов, которые самостоятельно смогли собрать средства на строительство лишь в сумме 300 руб. Епархиальное управление не препятствовало строительству молитвенного дома, требуя прислать информацию только о его размерах. В материалах дела по данному строительству отсутствуют сведения о том, получилось ли у сергеевцев осуществить задуманное, но в справочной книге по Томской епархии за 1914 г. церковное здание д. Сергеевой именуется «часовней». Это значит, что либо к этому году жители еще не закончили строительство, либо оно так и не было начато. Можно также предположить, что епархиальное ведомство не выделило в статистических обзорах «молитвенный дом» в отдельную категорию. Любопытно, что помимо Сергеевской часовни в Пышкинском приходе находились еще две, которые располагались в юртах инородцев. В данной ситуации можно говорить о причислении их к часовням, «по происхождению» не связанным с «центробежной» и «центростремительной» группами. Это, в свою очередь, позволяет сделать предположение о том, что часовня, построенная коренным этносом, либо становилась легальной формой сохранения собственных (не православных) религиозных устоев, традиций и обычаев, либо появлялась по инициативе епархиального начальства и рассматривалась им как способ христианизации инородцев.

В православной культуре понятия «часовня» и «храм» тесно переплетены и на первый взгляд может показаться, что они – явление цельное. На самом деле прослеживается некоторая их двойственность. В этом смысле они – две стороны одной медали, которые отражают два разных подхода к формированию «общего» – православного – самосознания верующих. Если храм целиком и полностью являлся мощным инструментом поддержания официальной православной иден-

тичности крестьянина-переселенца, то часовня могла быть способом взращивания ее альтернативных форм (инославной, старообрядческой, сектантской). Данный факт особенно важен при рассмотрении вопроса принадлежности к сети скитов-старообрядцев, присутствующих на территории таежного Причумылья.

Используя ведомости о церквях и белом духовенстве, ежегодно предоставлявшиеся благочинными в консисторию, можно сделать некоторые выводы на этот счет. В частности, в таблице представлены данные по нескольким благочиниям Томского уезда из ведомости за 1909 г. (табл. 2) [11].

Таблица 2

Число храмов, часовен и молитвенных домов на территории таежных переселенческих поселков в 1909 г.*

Благочиние	Кол-во храмов	Кол-во часовен и молитвенных домов	Всего церковных зданий
№2	18	20	38
№3	24	9	33
№5	12	5	17
№39	7	–	7
По Томскому уезду	104	50	154

*Для составления таблицы была использована отчетная документация, подготовленная канцелярией Томской духовной консистории на основании ведомостей о церквях и белом духовенстве благочинных.

В целом часовни и молитвенные дома занимали 1/3 от общего количества церковных зданий. Примечательно, что на фоне четырех представленных благочиний особо выделяются два, в котором часовен находилось чуть более половины по сравнению с приходскими храмами. Этот факт может служить основой для более подробного рассмотрения данного региона, чтобы выяснить причины появления здесь именно часовен, но уже сейчас можно с большой долей уверенности предположить, что значительная часть прихожан данного благочиния была самодостаточна в плане организации своей духовной жизни и, вероятно, могла обходиться без причта.

Не менее любопытной представляется динамика строительства часовен и молитвенных домов в Томской епархии в период 1907–1914 гг. При сравнении епархий Российской империи по этому показателю становится видно, что Томская на протяжении указанного периода стабильно занимала одну из лидирующих позиций: здесь в среднем в год строилось 16 часовен и молитвенных домов. На основании данных отчетов Правительствующего Синода по ведомству православного вероисповедания была составлена таблица, наглядно это демонстрирующая (табл. 3).

Таблица 3

Степень активности церковного строительства в Томской епархии в 1907–1914 гг.*

Отчетный год	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Кол-во построенных часовен и молитвенных домов	14	13	14	22	20	15	15	13
Место по строительству часовен и молитвенных домов среди всех епархий империи	3	5	4	1	2	3	3	4

*Таблица составлена по данным отчетов Правительствующего Синода по православному вероисповеданию о количестве возведенных в отчетном году церковных сооружений.

Из табл. 2 видно, что пик строительства пришелся на 1910–1911 гг., вероятно, это было связано с переселенческим потоком в Сибирь после столыпинской аграрной реформы, но были ли другие причины, предстоит выяснить. Логично предположить, что молитвенные дома и часовни строились по инициативе и на средства прихожан, а это значит, что Томская епархия имела значительное количество предприимчивых и активных сельских жителей, желающих иметь собственную часовню.

Так, например, сопоставив план церковно-школьного строительства в переселенческих поселках Сибири на 1913 г. [12. Л. 434–435], с отчетом Синода [13] за этот же год, можно увидеть, что ни Святейший

Синод, ни переселенческое управление не выделяли средств на строительство часовен и молитвенных домов, а между тем, их было возведено 15 в данном году. Не остается сомнений, что его финансировали исключительно прихожане.

Таким образом, у переселяющегося в Сибирь православного человека было несколько путей поддержания православной идентичности: один из них – строительство храма, что означало ориентацию на официальную православную церковь; другой – возведение часовни, что можно считать частичным, на наш взгляд, подтверждением скрытой принадлежности к неформальным группам защитников старообрядческих скитов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коровушкин Д.Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – первая четверть XX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004. 219 с.

2. Токарев Н.В. Адаптация тамбовских переселенцев в условиях сибирского фронта на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126). С. 126–129.
3. Пожарская К.А. Некоторые аспекты природно-климатической и хозяйственной адаптации столыпинских переселенцев на Алтае // Емельяновские чтения : матер. II межрегион. науч.-практ. конф. Курган, 19–20 апреля 2006 г. Курган, 2006. С. 116–118.
4. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006. 375 с.
5. Шевицова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 488 с.
6. Соловьёва Е.И. Из истории становления переселенческих хозяйств Западной Сибири в период Столыпинской реформы // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 293–304.
7. Дутчак Е.Е. Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.
8. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф-170. Оп. 1. Д. 3387.
9. Часовни // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXVIII. С. 404–405.
10. ГАТО Ф-170. Оп. 7. Д. 289.
11. ГАТО Ф-170. Оп. 3. Д. 4756.
12. ГАТО Ф-239. Оп. 9. Д. 26.
13. Всеподданейший отчет обер-прокурора святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. СПб., 1915. Приложение № 4. С. 8.

Voroshilova Anna S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Annet1010552@mail.ru

CHURCHLY CONSTRUCTIONS AND MIGRATION OF PEASANTS IN 1907–1917 (BASED ON THE MATERIALS OF HISTORY OF THE ORTHODOX PARISHES IN TAIGA REGION NEAR CHULIM RIVER).

Keywords: the church building; migration; chapel; church; orthodox self-consciousness, old belief.

Problems of adaptation of Siberian population in the period of Stolypin's removals are studied by modern researchers in different perspectives: ethno-cultural, economical, socio-psychological and natural – geographical. At the same time such an important aspect as the basis of the worldview of the Orthodox self-consciousness of the Siberian migrant population remains underinvestigated. In this case, the research of churchly constructions appears to be especially important for this understanding. Numerous petitions about church construction from different regions of resettlement allow to consider this construction as a means of maintaining of the Orthodox identity – an important component of the socio-cultural adaptation of the population of distant migrants. The world perception of the Orthodox peasant formed his understanding of the church as the main source of the Orthodox self-consciousness that is why its presence in the parish was believed to be the necessary condition for the happy life of the Orthodox distant migrant in the new place of residence. The construction of the church was not the only way to reveal the affiliation of distant migrants to the Church and the Orthodoxy. In the absence of ample means they had to refer to the alternative forms of the Christian liturgical culture, one of these forms were chapels, which had the intermediate position between the house and the church. Taking into the account the fact that reasons for chapels construction can be divided on «centripetal» and «centrifugal» groups, it is possible to say that in the first case chapels were «outposts of the Church» and were associated with the idea of the parish, reflecting the desire of parishioners to be the integral whole with the Christian World, and the second group evinced interests of any local group of believers, who were trying to keep chapel as the evidence of God's presence nearby their new place of residence. If we consider the construction of the chapel as one of the ways of spiritual adaptation for distant migrants, then the presence of such classification allows to follow the relations between this house of worship with the official Church or illegal communities of hermits of old-believers. In the Christian culture the notions «chapel» and «church» are closely intertwined and, at the first glance, it may seem that they are integral parts of the same event. But in the reality, one can see a sort of their ambivalence. In this sense, they are two sides of the same coin, which reflect two different approaches to the formation of the «common» – Orthodox – self-consciousness of believers. If the church was from top to bottom the powerful instrument of maintaining of the official Orthodox identity of the distant migrant peasant, then the chapel could be the way of cultivation of its alternative form. Thus, the Orthodox person, who hived off to Siberia had several ways of the Orthodox identity maintaining: one of them was the construction of the church, which meant the orientation on the official Orthodox Church; another way was the building of the chapel that may be considered as a partial, on the author's point of view, confirmation of the secret involvement into informal groups of defenders of the priories of old-believers.

REFERENCES

1. Korovushkin, D.G. (2004) *Etnokul'turnaya adaptatsiya pozdnikh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri (konets XIX – pervaya chetvert' XX vv.)* [Ethno-cultural adaptation of the late migrants in Western Siberia (the late 19th – early 20th centuries)]. History Doc. Diss. Novosibirsk.
2. Tokarev, N.V. (2013) Adaptation of Tambov migrants in conditions of Siberian frontier at the turn. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Reports. Humanities.* 10(126). pp. 126–129. (In Russian).
3. Pozharskaya, K.A. [Some aspects of the climatic and economic adaptation of Stolypin settlers in the Altai]. *Emel'yanovskie chteniya* [The Emelyanov Readings]. Proc. of the 2nd Interregional Research Conference. Kurgan, 19th to 20th April 2006. Kurgan. pp. 116–118.
4. Churkin, M.K. (2006) *Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnyuyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [The resettlement of peasants from the black earth centre of European Russia to Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries: determining factors of migration mobility and adaptation]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
5. Shevtsova, V.F. (2010) *Pravoslaviye v Rossii nakanune 1917 g.* [Orthodoxy in Russia on the eve of 1917]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
6. Solovyova, E.I. (1966) *Iz istorii stanovleniya pereselencheskikh khozyaystv Zapadnoy Sibiri v period Stolypinskoy reformy* [From the history of the resettlement farms in Western Siberia during the Stolypin reforms]. In: Gorovoy, F.S. (ed.) *Voprosy agrarnoy istorii Urala i Zapadnoy Sibiri* [Issues of agrarian history of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Sverdlovsk State Pedagogical Institute. pp. 293–304.
7. Dutschak, E.E., Vasiliev, A.V., Kim, E.A. & Polezhaeva, T.V. (2013) Orthodox Landscape of the Siberian Taiga Region: the Concept of Research. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Journal of Siberian Historical Research.* 1. pp. 79–90. (In Russian).
8. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 1. File 3387. (In Russian).
9. *Collegiate Dictionary of Brockhaus and Efron.* (1903) Chasovni [Chapels]. Vol. XXXVIII. St. Petersburg. pp. 404–405.
10. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 7. File 289. (In Russian).
11. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 3. File 4756. (In Russian).
12. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 239. List 9. File 26. (In Russian).
13. *Vsepoddaneyshiy ochet ober-prokurora svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1913 god* [The Most Humble Report of the Procurator of the Holy Synod of the Orthodox faith for 1913]. St. Petersburg. 4. p. 8.